А 260
654

ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ.

801-18
2691

РАЗСКАЗЪ

художника В. В. Верещагина.

МОСКВА.
Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пименовская ул., соб. домъ.
1900.

Дозволено цензурою. Москва, 31 марта 1900 г.

13499-О
2013041976

Послѣ смутныхъ впечатлѣній Крымской войны, воспринятыхъ въ очень юныхъ годахъ, Севастополь долго казался мнѣ какимъ-то сказочно-геройскимъ мѣстомъ: дѣтскому воображенію представлялись великаны, перебрасывавшіеся громадными снарядами...

Я былъ въ младшей ротѣ морского корпуса, когда намъ роздали большіе листы съ описаніемъ Синопской побѣды. По мнѣнію мелюзги-кадетъ, такъ тому и слѣдовало быть: Нахимовъ или кто другой должны были разбить турокъ, и не однихъ турокъ, такъ что дальнѣйшія затрудненія этой компаніи, слегка доходившія до нашихъ ушей, были мало поняты въ корпусѣ: возможно ли, чтобы какіе-то англичане и французы могли побѣждать насъ русскихъ?!

Ореолъ, окружавшій въ то время имя Нахимова, нѣсколько уменьшался въ глазахъ кадетъ тѣмъ, что популярный герой Чернаго моря былъ родной братъ помощника директора морского корпуса С. С. Нахимова, далеко не орла. Въ дѣтскихъ мысляхъ плохо вязались представленія о простѣйшемъ, шепелявившемъ корпусномъ офицерѣ и блестящей побѣдѣ отъ руки— его родного брата!

Сквозь офиціальныя замалчиванія о крымскихъ неудачахъ проскальзывала, какъ мы замѣчали, и въ обществѣ, и у наиболѣе интеллигентныхъ изъ нашихъ офицеровъ серьезная забота о томъ, что будетъ дальше? Анекдоты о молодечествѣ отдѣльныхъ лицъ севастопольской эпопеи уже менѣе прежняго тѣшили общество, и въ умахъ возникалъ вопросъ: въ виду полной нашей неготовности вести войну, не благоразумнѣе ли заключить миръ? Вопросъ только какъ заключить: неужели первымъ предложить его?

Извѣстіе объ отбитомъ 6—18 іюня штур-

мѣ было принято съ восторгомъ при дворѣ и въ обществѣ,—послѣ Синопской побѣды это былъ первый крупный успѣхъ.

Помню, братъ мой, служившій въ Преображенскомъ полку, на дачѣ котораго въ Петергофѣ я проводилъ свой отпускъ, прочитавъ разъ рано утромъ принесенный фельдфебелемъ приказъ по полку, радостно воскликнулъ: „Кричи ура!“ — Я не заставилъ себѣ повторить это и затѣмъ услышалъ текстъ извѣщенія „о блистательномъ отбитіи штурма и созывѣ гг. офицеровъ для принесенія благодарственнаго Господу Богу молебствія“.

Жившій въ то время въ Петергофѣ Государь сталъ чаще показываться публикѣ. Помню все царское семейство за чайнымъ столомъ на площадкѣ Монплезира. Молодые Великіе Князья, недавно воротившіеся изъ Крыма, не стѣсняясь огромной толпой народа, облегавшей набережную маленькаго дворца, представляли бомбардировку Севастополя: „Ты стой здѣсь“, — сказалъ Е. В. Николай Николаевичъ одному изъ

Великихъ Князей,—изображай бастіоны, а я пойду туда и стану тебя обстрѣливать". Перейдя отъ словъ къ дѣлу Е. В. пробравшись по валунамъ довольно далеко въ море, открылъ такую пальбу мелкими камешками, что Государь, сначала смѣявшійся, вскорѣ возвысилъ голосъ, чтобы прекратить шутку, грозившую ему и окнамъ дворца.

Слѣдующій за тѣмъ разъ я видѣлъ Государя въ Петербургѣ: 30 августа, въ день своихъ именинъ, Его Величество ѣхалъ верхомъ, съ большой свитой по Невскому проспекту, въ Невскій монастырь. Онъ былъ очень грустенъ и самое «ура!» сплошь покрывавшей улицу толпы звучало не радостно—Севастополь только что былъ оставленъ нашими войсками..,

Проѣздомъ я былъ въ Севастополѣ въ 60-хъ годахъ, но только мелькомъ и, послѣ, помню, собирался туда съ покойнымъ М. Д. Скобелевымъ, чтобы внимательно осмотрѣть всѣ реликвіи знаменитой осады; однако такъ и не собрался до самыхъ 90-хъ годовъ.

Не трудно было, конечно, самому освоиться съ городомъ, извѣстною графскою пристанью, дворцомъ Екатерины, даже братскимъ кладбищемъ, но для основательнаго ознакомленія съ ходомъ осады города и его обороны пришлось обратиться къ помощи свѣдущаго человѣка, какъ разъ представившагося въ лицѣ моего корпуснаго товарища Михалкова. Онъ кончилъ курсъ вмѣстѣ со мной и вышелъ на службу прямо въ Черное море, котораго почти не покидалъ, служа то въ Севастополѣ, то въ Николаевѣ. Добрый, порядочный и не глупый малый, приземистый съ вида, съ маленькими глазками и большой бородой, онъ и въ корпусѣ всегда держался особнякомъ и теперь жилъ одиноко, холостякомъ; товарищи, помню, звали его «бирюкомъ». Мы были дружны на школьной скамьѣ и теперь очень довольны встрѣчею, послѣ столькихъ лѣтъ разлуки.

На радостяхъ онъ обѣщалъ мнѣ выложить всю свою мудрость по части зна-

комства съ исторіею севастопольской бойни—мудрость не малую, такъ какъ, самъ живо интересуясь ею, онъ въ свое время, то-есть вскорѣ по окончаніи войны, изъ первыхъ устъ, собралъ самыя полныя свѣдѣнія обо всемъ, наиболѣе характеризовавшемъ эту интересную страницу исторіи.

Откровенный и простодушный Михалковъ даже какъ-то умилился отъ сходства условій, при которыхъ знакомился съ окрестностями города и ихъ исторіей я и тѣми, при которыхъ жилъ тогда онъ. «Вотъ, точно такъ, какъ и ты теперь, я пріѣхалъ сюда и нашелъ комнатку въ одномъ семействѣ; только твои хозяева нелюдимы, а мнѣ привелъ Богъ совсѣмъ сжиться съ моими, несмотря на то, что я «бирюкъ». Днемъ, первое время по пріѣздѣ, я бродилъ по бастіонамъ съ очевидцами и участниками осады, а по вечерамъ, когда не заѣдала служба, бесѣдовалъ, вѣрнѣе прямо переживалъ жизнь моихъ друзей-хозяевъ».

— Знаешь что!—сказалъ Михалковъ,—вы писатели,—не знаю, почему ему вздумалось причислить меня къ писателямъ, развѣ потому, что я *пишу* картины?—вы все ищете драматическихъ событій, измѣнъ, ревностей, убійствъ, а сплошь и рядомъ пропускаете многое глубоко трогательное, только потому, что оно у васъ передъ глазами, прости за выраженіе: передъ носомъ!

Вотъ хоть бы исторія дѣвочки, въ семействѣ которой я квартировалъ, если ее хорошенько представить, чѣмъ не сюжетъ! Кажется, кабы я писалъ повѣсти, какой разсказецъ сотворилъ бы изъ нея! Впрочемъ, нѣтъ! Исторія эта слишкомъ близка мнѣ, не хватило бы силъ разработывать ее. Я никогда никому еще не заикался объ этомъ предметѣ, не слѣдовало бы и теперь начинать; но ужъ, заведя разъ рѣчь, разскажу тебѣ все—не даромъ мы съ тобой 7 лѣтъ сряду одну и ту же кашу ѣли въ корпусѣ. Кто знаетъ: эти воспоминанія вотъ уже много лѣтъ такъ гне-

тутъ меня, что, можетъ быть, отъ исповѣди пріятелю мнѣ будетъ легче.

Рѣшено было ѣздить по утрамъ на бывшія мѣста битвъ и переворачивать боевое прошлое города, а вечерами, за чашкой чая, заняться «домашнею повѣстью».

«И бомбадрировку, и штурмы осилю, разскажу тебѣ о нихъ, не сморгнувши, а вотъ доведу ли до конца разсказъ о дѣвочкѣ, не знаю. Во всякомъ случаѣ помни: если ты напишешь что-нибудь съ моихъ словъ о Севастополѣ, то о второй части помолчи пока, до моей смерти,— согласенъ?»

— И думать нельзя было тогда, когда мы вели бесѣду, что эта смерть случится такъ скоро: бѣдный товарищъ мой, деликатный, симпатичный, вѣчно одинокій «бирюкъ», Иванъ Семеновичъ Михалковъ скончался въ прошломъ году. Въ виду этого, на ряду съ сообщенными имъ свѣдѣніями о севастопольской осадѣ, я привожу и разсказъ объ интимной исторіи въ семьѣ его квартирной хозяйки — очень простой и несложной исторіи болѣзни дѣвочки, «задѣвшей его за живое», какъ покойный выражался.

Объ «агоніи»—и великой твердыни, и маленькаго существа—разсказаны параллельно; можетъ быть, это немного сбивчиво, но ужъ такъ было занесено въ записную книжку, такъ и предлагается читателю.

* * *

Для перваго ознакомленія мы проѣхали не на Малаховъ курганъ, какъ намѣревались, а на четвертый бастіонъ—мѣсто будущаго общественнаго сада,—съ крайняго пункта котораго, пожалуй, еще лучше видно все расположеніе бывшихъ непріятельскихъ батарей и всей нашей оборонительной позиціи, центра, лѣваго и праваго фланговъ.

— Тебѣ извѣстно,—началъ Михалковъ... но я перебилъ его словами: Мнѣ ничего не извѣстно; считай, что я ничего не зналъ, не видѣлъ и не слышалъ, что я вовсе не знакомъ съ исторіей обороны

Севастополя, и въ этомъ смыслѣ разсказывай!

— Хорошо. Такъ вотъ 2-го сентября 1854 года, около Евпаторіи, была высадка союзниковъ, а 6—7 движеніе къ Альмѣ. Противъ 60.000 ихъ войска мы выставили 33.000, да вдобавокъ ничего не сдѣлали для укрѣпленія позицій,—результатъ вышелъ плачевный. Простой людъ разсказывалъ мнѣ, что на базарѣ стали ждать недобраго, съ тѣхъ поръ какъ увидѣли разницу въ порядкѣ перевозки войскъ и тяжестей у непріятеля и у насъ. Пароходы севастопольцамъ были знакомы, но желѣзныхъ дорогъ они еще не видывали. Какъ стали, говоритъ, слѣдить издали за сновавшими взадъ и впередъ дымками паровозовъ, новопроложеннаго рельсоваго пути, и сравнили съ нашими передвиженіями на волахъ, по невылазной грязи, такъ зачесали затылки: не было бы бѣды!

Вооруженіе наше было ужасное: ружья били всего на 300 шаговъ, а непріятельскія на 1.000. Потомъ роздали по 100

штуцеровъ на полкъ, но вѣдь это не достаточно.

Остряки увѣряли, что изъ нашего ружья съ десяти шаговъ въ домъ не попадешь.

Послѣ альминской побѣды непріятель выказалъ большую нерѣшительность: вмѣсто того, чтобы сейчасъ же пойти на сѣверную сторону Севастополя и оттуда все сжечь и уничтожить, направился черезъ Мекензіеву гору къ южной. Остановись непріятель на сѣверной сторонѣ, онъ могъ бы войти въ городъ почти безъ препятствія. Всѣ были въ страхѣ, что такъ и случится. Стоитъ посмотрѣть на Севастополь съ сѣверныхъ высотъ—бухта и городъ какъ на ладони—стрѣляй, взрывай, истребляй, все на выборъ!

Въ то же время непріятель занялъ Балаклаву. Англійскіе солдаты и матросы бросились по домамъ все грабить и таскать на корабли. Стали рубить фруктовыя деревья и ломать самые дома для варки пищи.

Съ древняго херсонесскаго храма французы сняли крышу, куполъ и все внутри разорили. Вообще союзники жестоко грабили и не брезгали ничѣмъ: колоколами, крестами, башенными часами, даже гранитомъ съ набережной...

— Такъ вотъ: трудно представить себѣ что-нибудь подобное безпорядку и паникѣ нашего отступленія послѣ альминскаго дѣла. Если бы непріятель сталъ насъ преслѣдовать хоть съ одними палками, то погналъ бы какъ барановъ! У моста черезъ Качу войска скучились, смѣшались, перетолкались, переругались между собою—солдаты, офицеры и генералы — до полнаго безобразія.

Князь Меньшиковъ все бросилъ и ускакалъ въ коляскѣ въ Севастополь,—не даромъ предлагали назвать его Меньшиковымъ Альмскимъ. Все, что могло, ускакало по его слѣдамъ, бросивши не только убитыхъ, но и раненыхъ.

Корниловъ и другіе моряки предлагали съ нашимъ флотомъ напасть на дессантныя суда въ Евпаторіи и уничтожить ихъ, и при его и Нахимова энергіи, конечно, это было бы исполнено. Но Меньшиковъ приказалъ имъ «спрятать флотъ въ карманъ». Каково!

Вообще Меньшиковъ былъ очень непопуляренъ; онъ никогда не здоровался съ солдатами, совсѣмъ не зналъ, не понималъ ихъ, а ругалъ и поносилъ при всякомъ случаѣ, за что, конечно, и его не любили. Онъ не посѣщалъ госпиталей, не заботился о больныхъ и раненыхъ и держался такъ замкнуто, что главная квартира при немъ была тиха и безмолвна, какъ могила.

Впрочемъ, его остроты нравились въ Петербургѣ; не малый успѣхъ имѣло тамъ донесеніе его о шотландцахъ, не пожелавшихъ оставить своего національнаго наряда и поэтому искусанныхъ комарами.

Въ это время со всѣхъ сторонъ можно было безъ большого труда взять Севастополь, такъ какъ большей части батарей, которыя ты здѣсь видишь, или еще вовсе

не было, или онѣ были лишь намѣчены. Приходилось утѣшиться хоть тѣмъ, что если у насъ дѣло велось ощупью, изо дня въ день, такъ и руководители союзниковъ не блистали талантомъ и распорядительностью.

5-го октября, въ первый же день бомбардировки, палъ Корниловъ. Какъ только раздались выстрѣлы, онъ поскакалъ на 4 бастіонъ и распоряжался вотъ отсюда, гдѣ мы съ тобой стоимъ, а потомъ устремился на 5-й. Тамъ былъ уже Нахимовъ, поэтому онъ бросился на Малаховъ...

Бомбардировка по новости казалась настоящимъ адомъ, снаряды сыпались буквально какъ градъ. Отъ ихъ дѣйствія глина осыпалась, а мѣшки и доски загорались. Расчищали амбразуры быстро, подъ сильнѣйшимъ огнемъ, конечно, съ огромной потерей въ людяхъ; ждали штурма и долго не отводили войска, но, наконецъ, потери заставили - таки поприпрятаться.

Чтобы дать тебѣ понятіе о потеряхъ, скажу, что, наприм., на 3-й бастіонъ была

свезена съ корабля Ягудіилъ помощь въ 75 человѣкъ; на другой день вечеромъ ихъ возвратилось 25.

Изъ 22-хъ орудій на этомъ бастіонѣ осталось нетронутыхъ и годныхъ для стрѣльбы—2.

Уже къ 3-мъ часамъ пополудни была сбита треть всего вооруженія и амбразуры совершенно разрушены; при многихъ орудіяхъ по 2 раза перемѣняли прислугу. Можно сказать, что къ концу дня бастіонъ былъ разрушенъ, земляной брустверъ совсѣмъ срытъ, платформы орудій, самыя орудія и тѣла валялись вперемежку...

Почти то же было на большей части другихъ бастіоновъ—гдѣ больше, гдѣ меньше, вездѣ разгромъ, разрушеніе, смерть!

3-му бастіону не повезло еще тѣмъ, что непріятельская бомба подняла на воздухъ пороховой погребъ и взрывъ былъ такой, что сразу легла сотня человѣкъ. Отъ многихъ, въ томъ числѣ отъ лейтенанта Лесли, не было найдено и слѣдовъ.

Наконецъ, взрывы 2-хъ пороховыхъ по-

гребовъ у самихъ французовъ, тоже, говорятъ, съ большими потерями, заставили ихъ сначала уменьшить огонь, а потомъ и вовсе прекратить его.

Конечно, непріятель могъ бы штурмовать и взять многіе бастіоны, но не рѣшился; такъ что, въ концѣ концовъ, моральный успѣхъ дня былъ на нашей сторонѣ. Успѣхомъ этимъ, по общему признанію, мы были обязаны морякамъ, оказавшимся первоклассными артиллеристами.

Жаль было Корнилова!

24-го октября было дано знаменитое Инкерманское сраженіе, по сбивчивости, путаницѣ движеній не уступавшее, пожалуй, Альмскому. Самымъ ужаснымъ эпизодомъ было отступленіе: говорятъ, что въ безпорядкѣ спасавшіяся войска изъ-за тумана не разглядѣли страшнаго обрыва каменоломенъ, къ которому нажали ихъ обезумѣвшія толпы, подгонявшіяся непріятелемъ, и не мало пѣхоты и кавалеріи было сброшено въ кручу. Часовня, теперь стоящая

у подошвы каменоломенъ, прикрываетъ тѣла тутъ разбившихся...

Уже послѣ стало извѣстно, что князь Горчаковъ, на котораго никто въ это время не нападалъ въ Бессарабіи, отказался двинуть 3-й и 4-й корпуса на помощь Крыму, какъ желалъ Государь и какъ указывало элементарное требованіе военной порядочности. Сдѣлай онъ это, инкерманское сраженіе было бы дано не съ 50, а со 120 баталіонами, и послѣдствія были бы иныя...

— Ты, конечно, знаешь...

— Ничего не знаю, разсказывай все по порядку...

— Ну такъ вотъ, хочу сказать, что тутъ выдвинулся Тотлебенъ. Заслуга этого человѣка безспорно велика, но еще вопросъ, хорошо ли было то, что взялъ верхъ его проектъ пассивной обороны противъ мнѣнія многихъ, предлагавшихъ наступленіе. Этотъ послѣдній планъ состоялъ въ томъ, чтобы оставить городъ, который, въ концѣ концовъ, долженъ былъ пасть, и, присое-

динивши 40,000-ый гарнизонъ къ стоявшимъ около Бахчисарая войскамъ, напасть въ превосходныхъ силахъ на непріятеля.

Мысль эта не была принята и послѣ Альмы уже рѣшили окончательно отсиживаться въ городѣ. Тутъ неутомимая дѣятельность Тотлебена поразила всѣхъ.

Спрашивается, однако, какъ случилось, что бастіоны 1-й, 2-й, 4-й, 5-й и 6-й расположены у подошвы окружающихъ ихъ на ружейный выстрѣлъ высотъ, т.-е. въ мѣстахъ очень невыгодныхъ?

Укоряли Тотлебена и въ томъ, что, желая прослыть новаторомъ въ наукѣ обороны крѣпостей, онъ остановился на безчеловѣчной мысли—подставлять вмѣсто оконовъ живую солдатскую грудь. Это созданіе ложементовъ, для постройки которыхъ солдаты приносили ночью боченки, ставили ихъ въ 2 ряда и наполняли, за неимѣніемъ земли, каменнымъ щебнемъ. Потомъ, когда валъ поднимался до 4 футовъ, въ ложементъ, 30-ти шаговъ длины, засаживали 20 человѣкъ стрѣлковъ, съ разсвѣта до

наступленія темноты не имѣвшихъ никакихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ, потому что непріятель, понятно, тотчасъ же направлялъ въ нихъ не только ружейный, но и артиллерійскій и навѣсный огонь.

Вся защита людей ложемента состояла въ подобіи валика и гладкоствольныхъ ружьяхъ. Цѣлый день у нихъ стоялъ стонъ раненыхъ и умиравшихъ и не было ни малѣйшей—понимаешь, ни малѣйшей—возможности подать какую-нибудь помощь до наступленія темноты.

Жутко было въ этихъ условіяхъ не однимъ раненымъ и умиравшимъ, но и всѣмъ остальнымъ, кандидатамъ на нихъ!

Конечно, осуждать всегда и вездѣ легко, легче чѣмъ дѣйствовать; надобно признать, что позже, съ іюня, одною изъ главныхъ причинъ упадка работъ и дѣятельности по всѣмъ направленіямъ защиты была рана и болѣзнь Тотлебена: при немъ немыслимо было бы вялое и равнодушное отношеніе къ оборонѣ, всѣми тогда замѣченное.

Къ недостаткамъ вооруженія надобно причислить еще то, что у насъ было сравнительно мало мортиръ, а вѣдь взрывы пороховыхъ погребовъ, напр.,—дѣло главнымъ образомъ этихъ орудій. Къ тому же снаряды двигались по невылазнымъ отъ грязи дорогамъ такъ медленно, что приходилось укрощать рвеніе артиллеристовъ, чтобы въ нужную минуту не остаться вовсе безъ снарядовъ.

Тутъ какъ ни располагай защиту, какую энергію Тотлебенъ, Нахимовъ или кто другой ни проявляй, приходилось оставаться при пиковомъ интересѣ.

Постройка Селенгинскаго, Волынскаго редутовъ и Камчатскаго люнета была, по правдѣ сказать, смѣлая штука со стороны Тотлебена.

Предложеніе этой мѣры вызвало въ штабѣ цѣлую бурю: и непріятеля раздразнимъ и безъ толку погубимъ много народа, но Тотлебенъ настоялъ на своемъ. Около 10 февраля заложили редуты, а въ ночь съ 11 на 12 французы, которымъ они были

противъ шерсти, атаковали ихъ, только были отбиты.

Оба эти редута, вмѣстѣ съ Камчатскимъ люнетомъ, какъ жертвы, брошенныя въ огненную пасть, такъ и назывались «три отрока въ пещи».

Первое время они отстаивались ничего себѣ.

Г.—помнишь, товарищъ твоего брата—бывшій въ это время на Селенгинскомъ, разсказывалъ, что не далѣе какъ черезъ 2 сутокъ послѣ перваго бомбардированія, бруствера у нихъ опять смотрѣли свѣжо, какъ будто и не видѣли огня; работали, говоритъ, замѣчательно энергично и расторопно, буквально не щадя живота.

Вообще бомбардировки стоили любого боя или приступа—людей клало въ лоскъ, поголовно.

Противъ всякаго поврежденнаго мѣста непріятель тотчасъ усиливалъ огонь, что, конечно, удвоивало число убитыхъ и раненыхъ. Особенно бомбы, которыхъ у нихъ, видимо, былъ большой запасъ, все разноси-

ли: накрывали спавшихъ, игравшихъ въ карты или несшихъ ушатъ со щами. На 3-мъ бастіонѣ 7 офицеровъ собрались пить чай—всѣхъ семерыхъ бомба убила наповалъ.

Замѣть, что при такой ежеминутной опасности люди ни на минуту не задумывались смѣнять павшихъ, безъ ропота, безъ неудовольствія. Только когда разрывало наше орудіе и побивало много народа, своя отъ своихъ, бывали вспышки, иногда настолько серьезныя, что приходилось арестовать шумѣвшихъ матросовъ.

Не пересчитать, сколько было зарыто безвѣстнаго геройства на севастопольскихъ бастіонахъ!

27 февраля заложенъ Камчатскій люнетъ, а 5 марта французы повели на него атаку, тоже безъ успѣха. Скоро и наши сдѣлали вылазку съ этого люнета—монахъ съ крестомъ шелъ впереди войскъ—и разрушили ихъ работы.

Вообще о вылазкахъ можно сказать, что онѣ заставляли непріятеля держать

людей подъ выстрѣлами и замедляли работы разрушеніемъ ихъ, но большой пользы не приносили.

Скоро «отрокамъ» стало тяжело выносить ежедневный адскій огонь, сдѣлалось трудно поправлять въ теченіе ночи сдѣланныя днемъ поврежденія. Непріятель все съ большею энергіею велъ работы противъ этихъ редутовъ и только для отвлеченія вниманія сильно билъ по 4-му и 5-му бастіонамъ, какъ бы готовясь штурмовать ихъ. Маневръ этотъ выяснился, конечно, только позже, тѣмъ болѣе, что 4 бастіону было съ начала осады чуть ли не хуже всѣхъ—должно быть, разсчитывали черезъ него овладѣть городомъ. Новое начальство ихъ, однако, перенесло свои симпатіи на Малаховъ курганъ.

Кстати сказать: къ Малахову кургану—вонъ, видишь, влѣво отъ него — шла отъ 2-го бастіона куртинка съ мортирною батареею. Командиръ ея, прапорщикъ рабочаго экипажа—забылъ его фамилію—такъ пристрѣлялся, что на пари лѣпилъ бомбу

въ любую французскую амбразуру. Уже въ августѣ его убило наповалъ.

Передъ тѣмъ какъ стану разсказывать о мартовской бомбардировкѣ, нужно тебѣ дать понятіе о томъ, что такое представляли севастопольскіе бастіоны.

Не воображай себѣ чего-нибудь правильнаго, сооруженнаго по книжкѣ; на первой взглядъ укрѣпленія эти казались настоящимъ лабиринтомъ, не представлявшимъ ничего похожаго на фортификаціонныя работы: видѣли, что по какой-нибудь лощинѣ былъ свободный доступъ непріятелю — строили батарею; рикошетировали гдѣ-нибудь непріятельскіе снаряды—насыпали траверзъ; ложилось много снарядовъ въ проходъ—блиндировали его.

На блиндированіе помѣщеній въ бастіонахъ стали послѣ обращать большое вниманіе, такъ что на 25 апрѣля эти работы были вездѣ кончены; до тѣхъ же поръ много было лишнихъ жертвъ изъ-за недостатка блиндажей.

Съ 28 марта по 7 апрѣля союзники

выпустили около 500,000 снарядовъ—можешь судить, каково было въ мѣстахъ, не довольно хорошо прикрытыхъ—выбыло изъ строя 9,000 человѣкъ.

Въ самое 28 марта полусекунды не прошло безъ того, чтобы не гремѣли выстрѣлы—канонада сливалась въ какой-то ревъ!

Перебѣжчики не даромъ давно уже приносили извѣстія о томъ, что готовится необычайно сильная бомбардировка и что на каждое орудіе подвезено по 800 зарядовъ; но такого ужаса, какой разразился, наши, все-таки не ожидали.

Одинъ перебѣжавшій французъ, увидѣвъ на улицахъ города женщинъ, не утерпѣлъ, чтобы не вскрикнуть: да неужели же онѣ останутся здѣсь! Вы не знаете, какая готовится бомбардировка — это будетъ день страшнаго суда «en grand». Не правда ли, совсѣмъ по-французски—и хвастливо и выразительно!

Дѣйствительно, судя по разсказамъ, человѣческая рѣчь безсильна передать то, что

происходило въ это 28 число, особенно на Селенгинскомъ, Волынскомъ редутахъ и Камчатскомъ люнетѣ. Одинъ уже почтенныхъ лѣтъ артиллеристъ — теперь въ отставкѣ—свидѣтель этихъ дней серьезно говорилъ мнѣ, что стихійная сила могла бы еще произвести нѣчто равное, но волею человѣческою, вѣроятно, съ самаго сотворенія міра ничего подобнаго не творилось...

— Невозможно было сосчитать несшихся черезъ редутъ снарядовъ. — «По орудіямъ! по орудіямъ! брандировка!»—слышалось отовсюду. Изъ землянокъ сыпали матросы, на бѣгу надѣвая куртки и пальто. Дымки начали вырываться изъ нашихъ амбразуръ, дальше—больше и скоро вся линія севастопольскихъ укрѣпленій засверкала, загудѣла; клубами началъ вылетать дымъ изъ сѣверныхъ батарей. поспѣвавшихъ на выручку товарищамъ.

Дали знать, что разрывныхъ снарядовъ мало; пришлось стрѣлять больше ядрами.

Скоро большая часть редутовъ была такъ

сильно разбита и изувѣчена, что валы стали кучами глины и щебня, изъ которыхъ торчали прутья фашинъ и разорванные туры; почти всѣ землянки были завалены.

Трудно опредѣлить съ точностью, сколько дней продолжалась бомбардировка, такъ какъ она окончилась не такъ рѣзко, какъ началась. Редуты за Киленъ-балкою и Камчатскій люнетъ безспорно могли бы быть тогда же заняты, какъ беззащитные. Г. былъ раненъ въ это время на Селенгинскомъ и смѣнился. Бруствера, по его словамъ, вовсе не существовало; это были просто нагроможденныя въ безпорядкѣ кучи досокъ, брусьевъ и всякой всячины. Платформы совсѣмъ разбиты бомбами, подбитая артиллерія сброшена съ мѣста и до половины засыпана землей. О банкетахъ нечего было и говорить — гарнизонъ, не имѣвшій свободной минуты, лѣпился за уцѣлѣвшими остатками вала...

4-й бастіонъ пережилъ нѣсколько критическихъ моментовъ, можно было думать, что онъ будетъ принужденъ совсѣмъ пре-

кратить огонь и его, пожалуй, взяли бы, если бы непремѣнно захотѣли; къ счастію, этого не случилось и мы ничего не покинули. Только впереди 5-го бастіона, въ ночь съ 1-го на 2-ое апрѣля, непріятель занялъ передовые ложементы и не отдалъ назадъ.

Къ слову скажу, что весь этотъ громъ тысячъ орудій былъ немощенъ, чтобы прервать сонъ и прогнать хмель одного стараго матроса, съ утра валявшагося въ землянкѣ. Онъ лежалъ близъ выхода, рядомъ съ трупомъ убитаго унтеръ-офицера, прикрывшись шинелью, на которую навалилось съ пробитаго бомбою потолка нѣсколько пудовъ земли. Когда всѣ выбѣжали изъ грозившей рухнуть землянки, кто-то наступилъ ему на руку и только этимъ на минуту пробудилъ. Онъ приподнялъ голову и, увидя всеобщее бѣгство, для него совершенно безпричинное и необъяснимое, несказанно удивился: «Господи, Боже мой! то входятъ, то выходятъ — покоя тебѣ не дадутъ!» промычалъ онъ сердито и, перевернувшись на другой бокъ, снова заснулъ.

Въ началѣ апрѣля случился казусъ, о которомъ я слышалъ отъ самого «оберъ-крота» Мельникова: вечеромъ, когда наши готовились идти на работы въ 4-ый баталіонъ и въ траншеи, раздался страшный громъ, и цѣлыя тучи камней осыпали выступавшія войска, разумѣется, испортивши много народа. Это былъ взрывъ двухъ сближенныхъ горновъ, заложенныхъ непріятелемъ подъ угломъ № 4, въ 30 саженяхъ отъ контръ-эскарпа. Взрывы эти случались и прежде, но на этотъ разъ у насъ хорошо знали о томъ, что горны заложены, и все собирались принять мѣры да такъ и прособирались — каково!

Между мартовской и майской бомбардировками жизнь на бастіонахъ текла сравнительно тихо. Пушечные выстрѣлы были не часты. Гудѣлъ орудійный выстрѣлъ, сигнальщикъ кричалъ: берегись! пу-у-шка-а! и ядро врѣзывались въ мерлонъ или неслось черезъ брустверъ. Когда изъ какой-

нибудь бойницы выпархивалъ дымокъ, туда направлялись 5, 6 выстрѣловъ, въ надеждѣ, что выстрѣлившій не успѣетъ отклонить головы. Еще замѣчали: какъ бойница перестала сквозить, такъ значитъ она закрыта головою стрѣляющаго—бей туда!

Къ концу весны «отроки» представляли уже полную картину разрушенія — такъ ихъ разбили, что и чинить было нечего! Наконецъ, послѣ жесточайшей бамбардировки 25 мая, они были взяты приступомъ 26—наши муромцы, нельзя сказать, чтобы отличились при этомъ... Говорили, что пойдутъ отбивать, но эта мысль была оставлена, такъ какъ, по совѣсти, трудно было долѣе держаться.

Когда, однако, ободренные успѣхомъ, союзники повели 6 іюня атаку на весь лѣвый флангъ нашей позиціи, то были отбиты съ большими потерями: все, что ты передъ собой видишь, они густо покрыли своими тѣлами.

* * *

Въ тотъ же вечеръ, за чаемъ, Михалковъ началъ свою «домашнюю повѣсть» не безъ выраженія еще разъ сожалѣнія о томъ, что вообще началъ разговоръ о ней: «не слѣдовало бы вовсе и вспоминать – много лѣтъ прошло уже, а все еще тяжело»...

— Ну, такъ вотъ: когда я пріѣхалъ сюда, городъ только начиналъ подниматься изъ пепла и развалинъ: старыхъ домовъ почти не уцѣлѣло и вновь законченныхъ постройкой было немного. Походилъ, поискалъ—вижу, трудно сколько-нибудь сносно устроиться: гдѣ крыша сдѣлана на живую нитку, гдѣ окна не плотно вставлены, временно; тамъ трещина въ стѣнѣ, замазанная было, но снова давшая о себѣ знать. Выручилъ комиссіонеръ гостиницы, давшій нѣсколько адресовъ «комнатъ въ наемъ»...

Иду по первому — на Екатерининской улицѣ, въ новоотстроенномъ двухъэтажномъ домѣ на дверяхъ лоскутъ бумаги: «отдается комната въ первомъ этажѣ».

Вхожу на лѣстницу — матросъ-деньщикъ тутъ же, дверь въ дверь, жившаго капитана I ранга Д., указываетъ: «здѣсь, ваше благородіе, отдается комната, господа завсегда дома».

Звоню—отворяетъ молодая дѣвушка съ претолстой таліей, неужели, думаю, это порода такая?

Вышелъ очень пожилой господинъ, съ физіономіей, на которой, по выраженію матросовъ, «чортъ по почамъ въ свайку игралъ». Большія, почти сѣдыя, бакенбарды котлетами, толстыя отвисшія губы, свиные глазки — столоначальникъ въ отставкѣ, подумалъ я, и ошибся; оказалось, отставной же учитель чистописанія.

Указалъ онъ мнѣ комнату, очень небольшую, плохо меблированную, кровать съ кирпичнымъ матрацомъ — 30 руб. въ мѣсяцъ.

— Дорогонько, говорю, нельзя ли сбавить?

— Право, ужъ не знаю, впрочемъ, сейчасъ я скажу женѣ.

Должно быть, думаю, самъ-то министръ она, а не онъ.

Ну, такъ вотъ, выходитъ барыня, молодая, не то чтобы красавица, но очень недурная собой, съ большими глазами, румяная и—это бросилось мнѣ въ глаза—съ сильной сѣдиной въ черныхъ волосахъ.

Она оказалась дѣловитѣе мужа: «можете пользоваться, говоритъ, еще и заломъ, мы только проходимъ черезъ него».—«Вы знаете, въ городѣ мало порядочныхъ комнатъ, такъ что желающихъ панять много, но мы принимаемъ не всѣхъ».

Вслѣдъ затѣмъ я подвергся маленькому допросу, сдѣланному, видимо, съ цѣлью разузнать о моихъ привычкахъ... «У насъ, говоритъ, жилъ передъ вами мичманъ князь В. и я, признаюсь, не знала, какъ его выжить; цѣлый день стоялъ шумъ и гамъ, а по вечерамъ попойки»...

Я успокоилъ ее насчетъ моихъ правилъ, но цѣны она все-таки не сбавила, и я ушелъ, обѣщавши дать отвѣтъ не позже

вечера этого дня. Посмотрѣлъ еще 2 помѣщенія, но и сравнить было нельзя — отъ добра добра не ищутъ, и я воротился, чтобы удержать за собой комнату.

— Ну, такъ вотъ: когда я далъ задатокъ и назвалъ свою фамилію, она замѣтно смутилась и какъ будто замерла на нѣсколько секундъ; потомъ оправилась и, всматриваясь въ меня, спросила, не родня ли мнѣ былъ артиллерійскій офицеръ Михалковъ, убитый на Кавказѣ?

— Родной братъ мой, говорю; а вы знали его?

— Нѣтъ, такъ, т.-е. да, немного, встрѣчались съ нимъ въ Тифлисѣ у общихъ знакомыхъ...

— У кого?—спросилъ я заинтересованный, такъ какъ зналъ много тифлисскихъ, а брата своего крѣпко любилъ и радъ былъ бы узнать хоть что-нибудь поподробнѣе того, что мнѣ сообщили о его послѣднихъ годахъ: я жилъ почти безвыѣздно здѣсь, если не считать нѣсколькихъ короткихъ командировокъ — а онъ на Кав-

казѣ, гдѣ, на черноморскомъ берегу, и былъ прихлопнутъ.

Барыня, однако, ничего толкомъ не отвѣтила, не могла или не хотѣла, только отдѣлалась фразами, изъ которыхъ я ничего не могъ понять...

Ну, такъ вотъ, перетащилъ я свою хурду-мурду и началъ жить у нихъ. Кормить они отказались меня; хозяйка съ дѣвушкой стряпали только для себя, на семью, и мнѣ пришлось устроить эту статью на сторонѣ; кстати не вдалекѣ отыскалась кухмистерская, откуда стали носить мнѣ. Барыня любезно предложила для разогрѣванія ѣды свою спиртовую лампочку—«у васъ холостыхъ, говоритъ этихъ вещей не водится».

Вѣдь вотъ къ слову сказать: бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ!—всегда я мечталъ о своемъ уголкѣ, хозяйкѣ, дѣтишкахъ, а, какъ видишь, до сихъ поръ живу бобылемъ—помнишь «бирюка» въ корпусѣ?—такимъ, должно быть, и останусь. Старшій братъ мой, о которомъ сейчасъ поминали,

тоже умеръ холостякомъ. Разсказывали мнѣ, смутно какъ то, о томъ, что онъ хотѣлъ жениться, что у него былъ романъ въ Тифлисѣ съ русской дѣвушкой и даже послѣ его смерти остался ребенокъ, но гдѣ, что, какъ?—я не могъ добиться—куда тутъ при постоянной службѣ разыскивать!

Вотъ, точно такъ же какъ ты теперь, я провелъ нѣсколько дней—пока не вышло мое назначеніе въ штабъ—въ ходьбѣ и поѣздкахъ по окрестностямъ, съ участниками осады. Бастіоны еще удерживали тогда свой боевой обликъ; туры и фашинникъ, конечно, были растасканы, но насыпи смотрѣли грозно. Какъ состоялось мое назначеніе, такъ я попришился къ мѣсту, но все-таки долго еще въ свободныя утра бродилъ, разспрашивалъ, даже кое-гдѣ раскапывалъ. Потомъ командировался въ Николаевъ, потомъ долго былъ на броненосцѣ, еще былъ въ командировкѣ и теперь, какъ видишь, командую миноносками.

— Такъ вотъ вечера я проводилъ почти всегда дома, и сначала стѣснялся при

нимать постоянныя приглашенія моихъ хозяевъ, затворялся у себя, даже пробовалъ сказываться не совсѣмъ здоровымъ; не тутъ то было,—какъ не придешь, такъ дѣвушка стучитъ въ дверь: «пожалуйте чай кушать, барыня безпремѣнно велѣли приходить!»

Что станешь дѣлать съ «барыней», да, признаться «совѣстно было приказывать ставить самоваръ для одного, двухъ стакановъ чая, которые я выпивалъ. Началъ ходить къ чаю и до того втянулся, что потомъ всѣ вечера проводилъ у нихъ; какъ не побываю который день, такъ, какъ будто чего недостаетъ мнѣ. И, сказать правду, сильно привязался я и къ матери, и къ дочушкѣ ея, — забылъ сказать, что у нихъ была дѣвчурочка, такъ лѣтъ около 7, премилая, двѣ капли воды похожая на мать, острая, шаловливая и преумненькая.

Суди самъ, я былъ молодъ, и барыня почти однолѣтокъ мнѣ, немного постарше, пожалуй. Собой я былъ недуренъ, какъ ты помнишь, а главное—прости меня за откровенность—мужъ-то ея былъ ужъ очень

плохъ! Слюнявикъ какой-то, и мужъ, и не мужъ; разъ въ худую минуту, она мнѣ прямо сказала: «видѣть, говоритъ, его не могу!»

Она не только не избѣгала, а прямо, я это замѣтилъ, искала бесѣды со мной, всегда была ласкава, всматривалась въ меня, и такъ добро:—«вѣчно одинокій вы» говорила часто и въ словахъ ея слышно было искренное участіе.

Не подумай, что-нибудь — ни Боже мой!—а все-таки жутко было иногда. Мужъ рѣдко и вступался въ наши разговоры, она не поощряла, такъ что даже жалко было его. Дѣвочка звала его папой, любила и онъ ее очень любилъ, ласкалъ, только мнѣ все-таки казалось, что она не дочь его...

А дѣвочка была прелестная и какая-то хрупкая. Прежде, по словомъ матери, она была здоровенькая, но я засталъ ее уже хворою. Что собственно у нея было за нездоровье, окончательно не опредѣлилось тогда: жаловалась на головную боль и

тошноту, что, по словамъ доктора, означало катарръ желудка—велѣлъ меньше ѣсть, меньше шалить и двигаться.

Уже при мнѣ ходили они къ спеціалисту по дѣтскимъ болѣзнямъ — осмотрѣлъ внимательно и тоже сказалъ: катарръ желудка.

Дѣйствительно, дѣвочку тошнитъ да тошнитъ. На голову стала все больше и больше жаловаться. «Бобо!»—гдѣ у тебя бобо?—Покажетъ то на високъ, то на лобъ, то на затылокъ — должно быть, по всей головѣ переходила боль.

Прежде съ нею немножко занимались, учили азбукѣ, ужъ она по складамъ читала. Стала было мать учить на фортепьяно, шутя, конечно, съ чижика начала, но оставила—какъ займется ребенокъ чѣмъ-нибудь, такъ головная боль и тошнота усиливаются.

Мнѣ случилось обѣдать съ ними, такъ вспомить не могу бѣдную дѣвочку; дадутъ ей котлету и скажутъ: половину можешь съѣсть теперь, а другую половину послѣ

докушаешь. Аппетитъ у ребенка былъ хорошій—живо съѣстъ свой кусочекъ, да потомъ и начнетъ поглядывать то на остальное, то на отца; наконецъ, не выдержитъ: папа, можно мнѣ съѣсть еще немного?—А тотъ неумолимъ: развѣ не слышала, что сказалъ докторъ—опять затошнитъ! Съежится дѣвочка, иногда даже слезы выступятъ, но ужъ ни за что не ослушается—на диво характеромъ была.

Они никого не принимали и сами никуда не ѣздили, развѣ изрѣдка въ театръ или концертъ, когда эти случаемъ бывали. Жили въ Севастополѣ изъ за ея нездоровья—передъ этимъ она провела нѣсколько лѣтъ съ родными въ Тифлисѣ, но потомъ посовѣтовали морской воздухъ. Гдѣ, какъ она вышла замужъ—ужъ не знаю, не спросилъ.

Разъ одинъ ихъ знакомый съ сѣвера пріѣхалъ навѣстить и привезъ дѣвочкѣ большую, парядную коробку конфектъ изъ Москвы; такъ мать ей и довѣрила сохраненіе всего сокровища, чтобы берегла и

потчивала другихъ, а сама бы не ѣла, пока ей не будетъ лучше. Ничего вѣдь такъ и не попробовала, хоть охотница была до лакомства!

Словомъ, замѣчательный былъ ребенокъ. Мнѣ ужъ вчужѣ жалко стало—что вы, говорю, морите ее голодомъ? И мать сдавалась, но отецъ сейчасъ вступался: какъ можно, а что будетъ потомъ, что скажетъ докторъ?

Катарръ да катарръ—синѣетъ у дѣвочки подъ глазами, стала на моихъ глазахъ блѣдная, худая, взъерошенная, съ мутнымъ взглядомъ. Признаюсь, не одинъ разъ я говорилъ: что это, Марья Васильевна, у васъ съ ребенкомъ то—вѣдь не ладно!

«Сама, говоритъ, вижу, что не ладно, да не понимаю ничего—ужъ не въ головѣ ли у нея болѣзнь!» И тоскуетъ, вижу, мать—любила она свою дочурку до безумія—подозрѣваетъ что то тяжелое, неотвратимое...

— Очень ужъ говоритъ, она была всегда пытлива и понятлива, не отразилось бы это въ головѣ?

Чаще и чаще стало тошнить дѣвочку не помогала діэта — за голову иногда схватится да такъ и взвоетъ: ой, бобо! бобо!

При мнѣ еще одинъ докторъ приходилъ, тоже спеціалистъ—охъ! какіе ужъ у насъ тутъ спеціалисты, признаюсь, я не утерпѣлъ вошелъ—они меня не чуждались, я былъ какъ родной. Спрашиваетъ мать: не ошибаетесь ли вы, докторъ, приписывая все желудку; она, вѣдь, и на голову жалуется—не въ головѣ ли корень болѣзни?

— Нѣтъ, нѣтъ! Эти головныя боли обыкновенное послѣдствіе желудочнаго катарра.

— И вы думаете, что ничего опаснаго нѣтъ?

— Положительно ничего опаснаго нѣтъ, это пустяки, должно очень скоро пройти.

И такой фешенебельный, франтъ, должно быть, молодыя мамаши отъ него безъ ума. Даже вспомнить досадно—хоть бы не такъ увѣренно говорилъ!

— Ну!—неожиданно прервалъ Михалковъ разсказъ,—оставимъ, братъ, до завтраго—тяжело вспоминать!

* * *

Отбитіе штурма 6 іюня на севастопольскія укрѣпленія было самымъ славнымъ нашимъ дѣломъ въ Крымскую компанію, какъ тебѣ извѣстно—началъ мой пріятель, когда послѣ осмотра Черной рѣчки (печальной памяти), бывшаго Селенгинскаго Волынскаго и Камчатскаго редутовъ, также какъ и всѣхъ бастіоновъ лѣваго фланга мы остановились на Малаховомъ курганѣ.

Еще 5-го съ зарей началось сильнѣйшее бомбардированіе, въ одинъ день выбившее у насъ 1500 человѣкъ.

На 6-ое ночная цѣпь дала знать о движеніи непріятеля.

Цѣлый снопъ бомбъ поднялся изъ бывшаго камчатскаго люнета. Въ тотъ-же мигъ заигралъ рожокъ и сигналомъ пронесся по всемъ траншеямъ.—Начался штурмъ!

Ревъ орудій и трескотня выстрѣловъ представляли что-то невообразимое. По всему протяженію непріятельскихъ траншей стала быстро приближаться густая лавина

штурмующихъ; офицеры съ саблями нагола бѣжали впереди—очевидцы говорили, что впечалѣніе было поразительное!

Они двинулись отъ Камчатки на правый фасъ II бастіона и на куртину, между II бастіономъ и Малаховымъ курганомъ — вотъ видишь по всему этому мѣсту, потомъ здѣсь отъ Доковаго оврага на батарею Жерве.

— У бруствера II бастіона, какъ мнѣ разсказывалъ одинъ старый матросъ, между 2-мъ и 3 часами послышался громкій крикъ: «Идетъ, идетъ»! Прикрытія вскочили на бруствера и открыли убійственный огонь. Потомъ пошла жарить картечь.

— Со второго бастіона они были начисто отбиты.

На куртину уже приставили лѣстницы но тоже отбиты. Два раза пробовали атаковать куртину и оба раза неудачно.

— Батарею Жерве совсѣмъ заняли и ужъ двинулись на Корабельную, какъ встрѣтили Хрулева. Это былъ одинъ изъ

тѣхъ начальниковъ, которые любятъ солдатъ и которыхъ солдаты любятъ. Его перевели на правый флангъ, но когда замѣтили, что непріятель готовится дѣйствовать, оставили на лѣвомъ—на счастье!

Онъ подскакалъ какъ разъ въ ту минуту, когда наши стали утекать.—Благодѣтели! стой!—Дивизія идетъ на помощь!—впередъ! Говорятъ, одинъ матросъ крикнулъ: «Навались ребята!»—Навались благодѣтели! подхватилъ Хрулевъ, и все, гаркнувши, навались!—повернуло къ непріятелю.

Тутъ случились сѣвцы, съ ружьями за плечами и лопатами въ рукахъ, шедшіе на работу. Пристали 2 роты якутцевъ, батальонъ Елецкаго полка—конечно, все роты и батальоны неполные, малочисленные, но, въ общемъ собралась порядочная горсточка,—вмѣстѣ съ отступавшими полтавцами ударили на французовъ и выбили ихъ.

Непріятель смѣшался и отступилъ въ Доковую балку и въ свои траншеи. Два

раза еще пытались офицеры подводить ихъ ко рву, но каждый разъ линіи атаковавшихъ останавливались, колебались и потомъ отступали. Только нѣкоторые смѣльчаки зарвались до самого рва бастіона и были или перебиты, или взяты въ плѣнъ.

Мнѣ многіе говорили, что едва не прорвались тутъ французы—кабы не Хрулевъ, были бы они въ городѣ! И то сказать: изъ одной роты въ 138 человѣкъ у Хрулева осталось 33 и у самаго его все платье было прострѣлено. Англичанъ—тѣхъ отбили отъ III бастіона, они аттаковали вяло. Ихъ генералъ Кемпбель остался убитый и неубранный.

Замѣчательно, что англичане пренаивно увѣряли, будто безъ французовъ они повели бы дѣло лучше. Это ужъ прямо противно истинѣ: если бы не выручали французы, ихъ давно бы загнали въ море.

— Ну такъ вотъ, взошло солнышко и освѣтило поучительную картину... Все пространство, что ты тутъ видишь впереди 5-го отдѣленія и особенно впереди II ба-

стіона, а также передъ куртиною и Малаховымъ курганомъ было завалено синими французскими мундирами; а передъ выходящимъ угломъ III бастіона,—какъ краснымъ макомъ,—англичанами.

Непріятель потерялъ 7.000 человѣкъ; однихъ французовъ до 5.000.

Наша потеря—1.500 человѣкъ на штурмѣ, да 4.000 отъ бомбардировки.

Всю бѣду англичане сваливали потомъ на французскаго убитаго генерала Мейрана, — будто принявшаго разорвавшуюся гранату за условленную ракету. Онъ повелъ изъ-за этого войска на штурмъ раньше условленнаго времени и, когда ему замѣтили ошибку, будто бы отвѣчалъ: «Во всякомъ случаѣ, лучше быть впереди, чѣмъ позади»!

Этотъ успѣхъ нашъ былъ первый и послѣдній. 10 іюня ранили Тотлебена, и онъ уѣхалъ лѣчиться; а 28-го ранили на смерть Нахимова—отняли у Севастополя руку и ногу.

— Имя Нахимова тебѣ хорошо извѣст-

но, но я, все-таки, разскажу кое-что слышанное отъ людей, близко его знавшихъ.

Это былъ оригинальный, добрый и задушевный человѣкъ, неумолимый врагъ формализма, педантства и бумажной дѣятельности: «Заваливаютъ-съ! Гдѣ бы можно было прислать казака, пишутъ въ три листа бумагу читай ее, когда нужно дѣло дѣлать-съ!»

Какъ видишь, мнѣніе свое онъ выражалъ, не стѣсняясь, и терпѣть не могъ мелочности и самолюбія.

Злоупотребленія, особенно тѣ, отъ которыхъ страдали его матросы, безъ всякой пощады клеймилъ.

Насколько онъ былъ популяренъ въ Севастополѣ, можешь судить потому, что всѣ, кончая послѣднею торговкою на рынкѣ, звали его Павломъ Степановичемъ.

Поэтической подкладки въ немъ должно быть было немного, по крайней мѣрѣ, когда ему разъ доставили стихи, сложенные въ его честь, то онъ не выразилъ удовольствія, а, напротивъ, сказалъ что «нѣсколько сотъ ведеръ капусты для матросовъ было бы полезнѣе».

Съ другой стороны, раненнымъ давали лакомства отъ Нахимова, и раненному Тотлебену присылались живые цвѣты отъ него же.

Послѣ Синопа онъ сдѣлался героемъ, но остался тѣмъ же Павломъ Степановичемъ, какимъ всѣ его знали. Со всѣми онъ держалъ себя одинаково, какъ и прежде.

— Всякій матросъ или командоръ могъ сказать ему: Это не такъ!—Отчего не такъ? говори! А вотъ, отчего... Адмиралъ, выслушавши и сообразивши, нерѣдко приказывалъ исполнить дѣльный совѣтъ и говорилъ совѣтнику: «Такъ, спасибо молодецъ!» Въ рѣдкихъ случаяхъ, выслушавъ нелѣпицу, онъ терялъ терпѣніе: «Дуракъ, ничего не смыслишь! Вотъ, какъ велю дать тебѣ 25 леньковъ, такъ и узнаешь какъ безпокоить начальника такимъ вздоромъ».

— Примѣръ его имѣлъ безпредѣльное вліяніе на духъ матросовъ и солдатъ. Онъ

поспѣвалъ рѣшительно всюду; вездѣ и на бастіонахъ былъ въ эполетахъ, даже спалъ въ нихъ, потому что за все время осады ни разу не ложился не одѣтый.

Его давно уже произвели въ полные адмиралы, а онъ все еще носилъ контръ-адмиральскіе эполеты, о которыхъ говорили, что они «старѣе Чернаго моря».

Нахимовъ ежедневно посѣщалъ бастіоны, всегда съ неизмѣнно-кроткой и спокойной физіономіей, съ готовымъ добрымъ словомъ для солдатъ и офицеровъ. «Хорошо, ребята, я сейчасъ видѣлъ вашего командира, онъ хвалитъ вашу службу — молодцы!»

— Съ адъютантами, ординарцами, вообще молодыми офицерами обращался участливо, часто предостерегая ихъ противъ женскихъ сѣтей: «Уѣзжайте, говорю вамъ, она васъ погубитъ, я ужъ знаю-съ!»

Подумай, что для предотвращенія холеры онъ на свой счетъ приготовлялъ всѣ нужные медикаменты и почти все жалованье раздавалъ неимущимъ морякамъ!

— 28 іюня, подъ вечеръ, онъ пріѣхалъ на Малаховъ курганъ. Начальникъ 4-го отдѣленія Кернъ былъ у всенощной, которая служилась въ башнѣ, и вышелъ къ нему. Адмиралъ влѣзъ на банкетъ и сталъ по обыкновенію совершенно открыто смотрѣть въ трубу, при чемъ генеральскіе эполеты его, конечно, привлекли усиленную стрѣльбу.

Отъ одного орудія онъ перешелъ къ другому, такъ, что Кернъ даже позволилъ себѣ замѣтить: «Здѣсь то же самое, ваше превосходительство».

Видя, что Нахимовъ служитъ мишенью онъ предложилъ ему итти ко всенощной, но тотъ отвѣчалъ: «А вотъ сейчасъ приду-съ! Вы ступайте-съ!» даже говорили прибавилъ: «я васъ не держу-съ!»

Кернъ будто бы позволилъ себѣ замѣтить: «Не высовывайтесь такъ, ваше превосходительство, можно ли тутъ стоять!»— «Ничего-съ, вѣдь они плохо стрѣляютъ-съ— не всякая пуля въ лобъ-съ!»

Одна пуля ударила въ мѣшокъ, совсѣмъ

рядомъ съ головою адмирала, но онъ все продолжалъ смотрѣть. Потомъ отдалъ трубу и сталъ сходить съ банкета, но остановился, чтобы взглянуть на дѣйствіе бомбы, пущенной отъ насъ по кучкѣ англичанъ, несшихъ фашинникъ — да, вдругъ упалъ на правый бокъ, и такъ быстро что никто не успѣлъ подбѣжать и принять его!

Пуля попала въ лобъ, подъ лѣвымъ глазомъ, прошла сквозь мозгъ и вышла около лѣваго уха. Онъ пробовалъ что-то говорить, но нельзя было ничего разобрать. Дорогою приподнимался на носилкахъ и даже немного сидѣлъ.

— Интересно, что на завтра были послѣднія его именины; онъ точно испытывалъ свою судьбу наканунѣ ихъ.

На другой день говорили, будто ему лучше, но 30-го узнали, что самаго популярнаго въ Черноморьѣ человѣка не стало.

— Священникъ, который ходилъ благословлять его, выразился такъ: «Слѣдовало бы мнѣ принять благословеніе отъ этого человѣка, а не его благословлять...».

Можно сказать, что ни одна потеря, кромѣ потери самого Севастополя, не отозвалась такъ на всѣхъ, какъ смерть Нахимова. Ни однѣ похороны не справлялись такъ въ этомъ городѣ: когда раздался звукъ похоронаго марша, всѣ отъ мала до велика, безъ преувеличенія, плакали.

Вотъ фактъ, слышанный мною изъ первыхъ устъ. Послѣ штурма, раненый рядовой зоветъ мимо идущаго ординарца начальника гарнизона,—тотъ не останавливается. «Ваше благородіе, постойте, дѣло есть!» — «Ну говори скорѣе!» — «Адмиралъ Нахимовъ не убитъ?». — «Нѣтъ!». — «Слава Богу, умру спокойно».

— О главнокомандующемъ Горчаковѣ, смѣнившемъ Меньшикова, нечего тебѣ много разсказывать. Самъ знаешь, какого полета была эта птица.—Меньшиковъ былъ хоть даровитый острякъ, этотъ же сама бездарность. Паскевичъ до такой степени раздавилъ его характеръ, что его какъ будто и не осталось — при малѣйшей неудачѣ

Горчаковъ падалъ духомъ и покидалъ предпринятое.

Весь въ рукахъ своего маленькаго ничтожнаго начальника штаба Коцебу, онъ только одно дѣлалъ оригинально и самостоятельно—носилъ свой картузъ такъ нахлобученный, что изъ подъ козырька не видно было ничего, кромѣ конца носа и очковъ!

***

— Такъ вотъ,— продолжалъ Михалковъ свою «повѣсть»,—слегла наша дѣвочка—говорю наша, потому что я совсѣмъ сроднился съ ними.

Тихо, тоскливо стало въ квартирѣ. Прежде хозяйка моя часто играла на фортепьяно, прекрасно играла, сколько понимаю. Сначала она совѣстилась меня... Какъ заслышитъ, что я пришелъ, такъ и перестанетъ. Потомъ ужъ я просить сталъ, говорю, люблю музыку, слушаю съ величайшимъ удовольствіемъ—ну, не стала стѣсняться, продолжала играть при мнѣ.

— Одну вещь «безъ словъ», Рубинштейна,—ты знаешь, конечно, эту небольшую талантливую вещицу?—такъ исполняла, что ажъ за душу хватало: вотъ выходятъ, да и только, изъ подъ пальцевъ голоса, стоны, плачъ!

Разъ, когда я похвалилъ эту вещь, она вдругъ и говоритъ: «Вашему покойному брату нравилось»—да и замялась. Когда кончила играть, я завелъ рѣчь о томъ, какъ она это помнитъ, почему, при какомъ случаѣ?...—Опять уклонилась: «въ обществѣ, говоритъ, встрѣчалась съ нимъ, осталось въ памяти».

— Докторъ нашъ тѣмъ временемъ что-то началъ задумываться и разъ предложилъ воспользоваться случаемъ пригласить извѣстнаго спеціалиста по первымъ болѣзнямъ изъ Москвы: его вызвали въ Симферополь, къ извѣстному богачу Ф., еще не старому человѣку, впавшему въ дѣтство, кто говорилъ отъ солнечнаго удара, а кто —отъ прогрессивнаго паралича.

Отецъ ѣздилъ въ Симферополь. Знаменитость согласилась пріѣхать да, кстати,

посовѣтовала списаться со своимъ братомъ, извѣстнымъ московскимъ же дѣтскимъ докторомъ, отдыхавшимъ съ больною дочерью въ Ялтѣ.

Къ этому я ѣздилъ просить... Разсказалъ, попросилъ... Обѣщала пріѣхать и вторая знаменитость.

Снеслись телеграмами, условились, и братья коллеги съѣхались у насъ на квартирѣ, стали толковать, качать головами.

— Пригласите, говорятъ, окулиста, пусть освидѣтельствуетъ глаза—безъ этого ничего опредѣленнаго сказать нельзя.

Въ Ялтѣ же былъ и окулистъ, опять изъ московскихъ—сначала не хотѣлъ никакъ ѣхать, наконецъ, согласился, осмотрѣлъ и далъ свое заключеніе.

Результатъ консиліума былъ самый неутѣшительный: все давайте, ни въ чемъ не отказывайте—почти нѣтъ никакой надежды — по всей вѣроятности, «туберкулезъ головного мозга».

— Господи, Боже мой, и не зналъ я, что есть такая мудреная и безпощадная болѣзнь!

Ну такъ вотъ: выслушала моя барыня приговоръ спокойно, только глаза какъ-то заволокло, и румянецъ пропалъ съ лица,— пожелтѣла, осунулась, кажется, еще сѣдины прибавилось.

— Для очистки совѣсти прописали доктора микстуру, уменьшающую тошноту, и велѣли на всякій случай дѣлать ртутныя втиранія—есть будто бы какой-то % выздоравливающихъ и отъ этой болѣзни.

Должно быть, сказали это отцу съ матерью, чтобы не оборвать у нихъ сразу всякую надежду, потому что я говорилъ съ моимъ знакомымъ морскимъ докторомъ, такъ тотъ увѣрялъ, что и $^1/_2\%$ нѣтъ: если были кажущіеся случаи выздоровленія отъ туберкулеза головного мозга, то просто по недоразумѣнію—значитъ дурно былъ поставленъ діагнозъ и имѣли дѣло съ другою болѣзнью.

— Какъ? что? откуда такая страшная немочь? Отецъ мучился тѣмъ, что рано началъ учить ребенка грамотѣ, но доктора сказали, что это «не то». Отецъ матери,

значитъ, дѣдушка дѣвочки, умеръ въ скоротечной чахоткѣ—это говорятъ ближе «то». Еще за худшее признанъ былъ уходъ за ребенкомъ чахоточной няни, служившей у нихъ въ продолженіе 2-хъ лѣтъ и только недавно передъ тѣмъ умершей отъ «туберкулеза легкихъ». Вѣрнѣе всего, что это и было причиною заразы, безспорно имѣвшей здѣсь мѣсто,—рѣшили доктора.

— Отецъ и этимъ терзался: «видѣлъ, —говоритъ, что съ няней не ладно»: упадокъ силъ, ночные поты, даже кровохарканья; просилъ домашняго доктора осмотрѣть, но тотъ, должно быть, по небрежности далъ слово, что легкія здоровы. Ну я, говоритъ, и пожалѣлъ — куда ее выгоню больную; она изъ бѣдной семьи, кромѣ сухого хлѣба нечего будетъ и ѣсть—пусть лучше у насъ поправится... Охъ, ужъ эти доктора «друзья дома!»—два раза осматривалъ завѣдомо чахоточную особу и нашелъ, что легкія здоровы.

— Признаюсь, мнѣ не вѣрилось въ безповоротность смертнаго приговора надъ

малюткой, и я рискнулъ еще разъ, за свой счетъ, спросить знаменитостей, благо они пробыли въ Севастополѣ, гдѣ нашлись паціенты, нѣсколько дней. Ссылаются на окулиста: «если, говорятъ, дѣйствительно онъ высмотрѣлъ то, что говоритъ, то нѣтъ ни малѣйшей надежды». Я къ этому—скажите Бога ради всю правду, неужели ужъ такъ безнадежно?

— Помилуйте, говоритъ, я самъ отецъ семейства и понимаю, какъ это тяжело, но, что дѣлать, сомнѣнья не можетъ быть, это одна изъ самыхъ чудесныхъ манифестацій, которыя мнѣ только приходилось наблюдать. Нашелъ, Богъ ему судья, чудесную манифестацію!

— Стали натирать тѣло малютки ртутью —къ чему бы кажется безпокоить: чуть-чуть полегчаетъ, задремлетъ она, давай дергать и растирать. — Мама, говоритъ, оставь меня, не мучь меня, мама!—Нельзя дѣтка, иначе здорова не будешь!

Не могъ я слышать этой честной лжи, да и матери она претила, только все же

она постоянно прибѣгала къ ней: какъ услышитъ дѣвочка, что можетъ опять быть здоровой, такъ безпрекословно исполняетъ все.

Иногда не хочетъ принять микстуру, проситъ нельзя ли не давать—приподнимать вѣдь надобно головку при этомъ, а всякое движеніе отзывается болью.—Ну такъ не будешь здорова.—Хорошо давай!

Одинъ разъ мать взяла ее на руки и поднесла къ окошку, изъ котораго былъ виденъ вдали кусокъ зеленаго луга,—какъ взмолится малютка: «мама, отнеси меня на этотъ лужокъ, мнѣ тамъ будетъ лучше».—«Нельзя туда, дѣтка, далеко, ты не здорова, устанешь...» «Ну, возьми извощика — дай мнѣ тамъ посидѣть!»

— Все о выздоровленіи и толковали, пока были силы разговаривать: вотъ какъ ты выздоровѣешь, поѣдемъ къ бабушкѣ въ Москву; за нами выѣдетъ Сѣрко въ шарабанѣ, увидимъ Любу, Лизу, погладишь коровку буренку...

И меня звала дѣвочка въ Москву: «я,

говорить, вамъ все покажу, домъ, куклы всѣ игрушки...».

Кто-то, по какому-то поводу, упомянулъ о смерти,—какъ горячо принялъ ребенокъ это слово, будто оно къ ней относилось: не хочу смерти, не хочу, хочу жить!

— Скоро, однако, прекратились эти разговоры, язычекъ сталъ видимо тяжелѣе, мысли менѣе ясны. На голову стали постоянно класть ледъ для уменьшенія болей, и ребенокъ большею частью стопалъ, а иногда вскрикивалъ отъ боли—мучили туберкулы.

Съ утра до вечера стало слышно только одно: мама! мама! мама!.. иногда: папа!—призывъ помочь, облегчить страданія. Казалось, такъ и говорили эти стоны: неужели и вы, мои милые, отъ меня отступитесь, не поможете мнѣ, неужели я не выздоровѣю!?

Что пророчили доктора, то и стало сбываться. Начнетъ слѣпнуть, говорилъ окулистъ, и вправду стала дѣвочка жаловаться на то, что у нея питочки въ глазахъ,

потомъ веревочки, наконецъ,—мама у меня дощечки въ глазахъ!

Пальчики, говорили, будетъ складывать особеннымъ образомъ,—замѣтили мы и это и невольно переглянулись.

Паутинку будетъ отмахивать отъ носа и рта—сталъ ребенокъ и эти движенія или похожія на нихъ дѣлать. Это было уже въ концѣ.

Ну, такъ вотъ, что же ты думаешь: чуть немного получше, и улыбнется малютка, и пошутитъ или скажетъ матери: «Ты устала, бѣдная мама, усни». Ни малѣйшаго каприза или проявленія злой воли—право, нашъ братъ, мужикъ, не могъ бы проявить большихъ благоразумія и выносливости.

— Скажу тебѣ, что мы, мущины, слишкомъ избалованы и только воображаемъ себя нравственно сильными, а какъ придетъ минута испытанія, хоть бы болѣзнь близкаго лица, такъ и руки опускаемъ—женщины, братъ, выносливѣе, терпѣливѣе насъ.

Вотъ хоть бы мать ребенка!.. Это было олицетвореніе самоотверженія! Тутъ понялъ я, на что способна даже молодая, слабая женщина: на моихъ глазахъ она въ продолженіе почти двухъ мѣсяцевъ буквально ни одной ночи не спала; какъ есть одѣтая, свернется калачикомъ въ ногахъ у своей дѣвочки, и чуть та произнесетъ «мама», какъ она уже надъ нею, «я здѣсь, мое дитятко, что тебѣ надо»—перемѣнитъ ледъ, дастъ питья или лѣкарства.

Мы съ отцомъ стали уговаривать взять въ помощь сестру милосердія, и она, наконецъ, согласилась.

Послѣ долгихъ переговоровъ достали сестрицу, но ея услугами такъ и не пришлось воспользоваться.

Мать, видишь ты, не разъ говорила своей дочушкѣ, что если она не будетъ слушать, такъ ужъ придется пригласить для ухода другую маму, чужую, которая будетъ не упрашивать, а заставлять все дѣлать.

Сестра милосердія и покажись ребенку этою чужою мамою: какъ вошла она ти-

хою, неслышною походкою и стала приближаться къ постели—сама такая тихая же, серьезная, безъ улыбки, съ краснымъ крестомъ на рукавѣ и на передникѣ,—малютка приняла ее прямо враждебно. Собрала всѣ силенки: «что тебѣ отъ меня нужно, поди прочь; говорю же тебѣ уйди прочь!».

Ни увѣщанія матери, ни слова самой сестры, уже смягчившей выраженіе своего лица, не могли ничего подѣлать — ей не довелось даже приблизиться къ кровати, такой ужасъ сказывался у ребенка отъ одной мысли о возможности замѣны ея милой мамы этою чужою. Такъ своя и досидѣла въ ногахъ умирающей до самаго конца.

* * *

Мы объѣхали Инкерманскія высоты, побывали въ Балаклавѣ, на раскопкахъ Херсонеса и постройкѣ тамъ новаго храма, осмотрѣли и весь бывшій правый флангъ нашей позиціи.

— Іюньскіе и іюльскіе дни,—продолжалъ Михалковъ,—были очень сухіе, знойные и, въ общемъ, однообразные—все тѣ же разрушеніе, смерть.

Пассивно ли, активно ли ты участвовалъ въ оборонѣ, конецъ былъ, за рѣдкими исключеніями, одинъ. И въ какихъ, какихъ положеніяхъ, какихъ позахъ не захватывала людей смерть!

Одинъ солдатъ ѣлъ кашицу—ядро сшибло съ траверза небольшую доску, которая хватила его по затылку, и онъ вкусилъ уже не отъ каши, а отъ вѣчнаго блаженства. Это внезапное измѣненіе «меню» застало его совершенно врасплохъ: онъ остался сидѣть, только откинулся на туры, раскинулъ руки, въ одной изъ которыхъ продолжалъ держать ложку, а выпученные глаза смотрѣли впередъ...

Нѣкоего Ковальчука на редутѣ Шварца, разсказывали мнѣ, разорвало бомбою на такія мелкія части, что ни одного самомалѣйшаго кусочка не смогли найти. Послѣ ужъ изъ секрета принесли ногу, заподозрѣнную въ принадлежности Ковальчуку.

На томъ же редутѣ боцманъ, которому оторвало ногу, просилъ, чтобы его поднесли къ орудію, такъ какъ онъ не успѣлъ навести его. Когда этого не сдѣлали, онъ сказалъ своему замѣстителю: «смотри у меня, Кузька, бери правѣе немного, а то будешь знать»...

На 4-мъ бастіонѣ жила Прасковья Ивановна. На штурмѣ 6 іюня она перевязала подъ выстрѣлами 183 человѣка раненыхъ. Она всячески чудила и забавляла людей: всякій день обливалась холодной водой, при чемъ раздѣвалась донага и постоянно болтала какой-нибудь вздоръ скоромнаго содержанія.

Главнокомандующій благодарилъ ее за службу, обѣщалъ наградить.—«Да ты какъ меня наградишь? Если дашь Анну въ петлицу, я не возьму! Давай на шею!»

Ее разорвало послѣ ядромъ.

На Малаховомъ курганѣ жили постоянно 4 бабы, которыя приносили воду изъ ближайшихъ колодцевъ и давали пить солдатамъ и матросамъ во время самой жар-

кой перестрѣлки. Одну изъ нихъ убило въ грудь наповалъ, другія выжили до конца осады.

Воронежскій крестьянинъ пришелъ съ обозомъ съ Черноморья и попросился волонтеромъ на бастіоны. Онъ ходилъ въ траншеи, на вылазки и въ 6 мѣсяцевъ получилъ 6 ранъ и множество контузій.

Служили на батареяхъ и дѣти: на первомъ бастіонѣ работали 2 мальчика 14 и 6 лѣтъ—первому оторвало обѣ ноги, но онъ выжилъ. Меньшой совсѣмъ уцѣлѣлъ.

Максимъ Рыбалченко 12 лѣтъ и Кузьма Горбаньевъ, одинъ на Камчатскомъ люнетѣ, другой на 4-мъ бастіонѣ, были ранены, но послѣ перевязки воротились и продолжали работать.

Десятилѣтній Пищенко выпросился остаться на редутѣ Шварца и сначала подъ командой, потомъ одинъ самостоятельно управлялъ мортирой до конца осады. Ему дали сначала медаль, а потомъ—Георгія. Онъ работалъ боспкомъ, въ

коротенькихъ брюкахъ и въ отцовской курткѣ, доходившей до колѣнъ.

Несмотря на то, что невозможно и представить себѣ, какихъ трудовъ и жертвъ требовала служба, стрѣльба, постановка вновь или замѣна орудій въ ручную, на тяжелыхъ морокихъ станкахъ—солдаты и матросы взапуски шутили и балагурили. Для перемѣны орудія впрягалась обыкновенно цѣлая рота и нерѣдко одинъ удачный непріятельскій выстрѣлъ подкашивалъ ее всю—оставшіеся въ живыхъ продолжали шутить или играть въ карты, мимоходомъ сказать, до того загрязненныя, что бубновую даму не сразу можно было отличить отъ трефовой двойки. Отъ налипшей грязи, колода «бастіонныхъ» картъ имѣла вершка полтора толщины.

А съ какимъ добродушіемъ ходили солдаты и матросы съ семьями «по ягоды», т.-е. для собиранія ружейныхъ пуль, шедшихъ въ переливку! Артиллерійское вѣдомство дорого платило за эти ягоды, и ихъ собирали иногда до 120 пудовъ въ

день. Пригодились также неразорванныя французскія бомбы, какъ разъ пришедшіяся къ старымъ пятипудовымъ мортирамъ времени Екатерины II; ими взорванъ непріятельскій пороховой погребъ.

При этой-то бѣдности въ снарядахъ забыли о 600 ракетахъ, присланныхъ изъ Петербурга, съ какими трудами и издержками, можешь себѣ представить; онѣ всѣ достались французамъ и отправлены въ Мецъ—каково!

На бастіонахъ было въ модѣ держать пѣтуховъ, и всѣ старались раздобыться ими. Ночью поднимался такой крикъ, что, конечно, у непріятеля онъ былъ слышенъ. У лейтенанта Ж. былъ отличный пѣтухъ, совершенно ручной, любимецъ цѣлой батареи. Матросы, которымъ нравилась эта деревенская обстановка, прозвали его въ честь главнокомандующаго союзниковъ, Пелисеевымъ. Бомба одинъ разъ такъ напугала Полисеева, что онъ, въ паническомъ страхѣ, съ крикомъ перелетѣлъ черезъ брустверъ и свалился въ ровъ. Тотчасъ одинъ

молодой матросикъ бросился тою же дорогой за общимъ любимцемъ, не обращая вниманія на посыпавшіяся пули. Французы закричали и захлопали, должно быть, обоимъ и матросу и пѣтуху.

На 6 бастіонѣ имѣлся рояль; устраивались музыкальные вечера, скрипка и кларнетъ приходили съ 4-го бастіона, а флейта—съ 5-го. Классическая музыка часто переходила въ камаринскую или какой-нибудь заунывный національный мотивъ—смотря по настроенію. Разъ устроили даже костюмированный балъ...

Разсказывали, что летѣло разъ стадо дрохвъ, наши выстрѣлили въ одно время съ французами, и четыре птицы упали между нами и ими. Нашъ офицеръ вышелъ, поднялъ 2 дрохвы, а двѣ оставилъ и крикнулъ: возьмите! это ваши!

— Ты, конечно, слышалъ о штукахъ матроса Кошки?

Замѣтивши, что методическіе англичане, работавшіе траншею передъ 3-мъ бастіономъ, уходятъ обѣдать на батарею, отстоящую довольно далеко, Кошка забрался въ ихъ траншею и унесъ 12 лопатъ, 4 кирки и 4 ножа.

Другой разъ онъ подползъ къ англійской траншеѣ изъ секрета. Передъ нимъ былъ огромный камень, и за нимъ въ ямѣ 4 англичанина варили говядину.

Кошка долго лежалъ притаившись, но потомъ какъ крикнетъ ура! Тѣ вскочили и стремительно бросились въ траншею... Кошка взялъ штурцера, манерку, галеты, а говядину съ котелкомъ выбросилъ.

Ему больше удавалось съ англичанами, съ французами было труднѣе, они были бдительнѣе. Вообще, англичане работали довольно вяло, а французы хорошо: при малѣйшемъ движеніи щита, закрывавшаго внутреннее отверстіе нашей амбразуры, туча штуцерныхъ пуль летѣла въ эту амбразуру, изъ ближайшихъ французскихъ траншей.

На вылазкахъ наши заставали англичанъ въ траншеяхъ почти всегда спавшими, почему вылазки къ англичанамъ чаще

были удачны. Англичане и деморализированы разными лишеніями были больше чѣмъ французы — они вѣчно были недовольны.

Зато всѣ согласно показывали, что раны отъ ударовъ штыкомъ французовъ были легче англійскихъ.

— Заглянемъ также и въ самый городъ Севастополь,—что тамъ дѣлалось и творилось во время осады?

До мартовской бомбардировки въ иномъ губернскомъ городѣ не было столько лавокъ, трактировъ, булочныхъ, сколько ихъ было въ этомъ осажденномъ и страшно обстрѣливаемомъ мѣстѣ; множество бабъ бойко торговало на базарѣ и разносило подъ свистомъ пуль блины и лепешки. Въ хорошую погоду на бульварахъ была масса гуляющихъ.

Стѣны домовъ хотя были мѣстами пробиты, но еще не походили на рѣшето. По домамъ еще ютились матросы. На большомъ рейдѣ стояли остатки флота, на которомъ поддерживалась образцовая чистота: палубы вымыты, всякая скобка вычищена....

Даже послѣ мартовскаго разоренія корабельная имѣла довольно оживленный видъ: тамъ жили еще матросскія семейства, по улицамъ бродило много бабъ и ребятъ, а нѣсколько трактировъ были всегда полны.

1-го мая былъ обѣдъ, данный охотскимъ полкомъ, по подпискѣ. Шампанскаго выпито 500 бутылокъ, кромѣ того, всякихъ винъ было приготовлено на полъ-Севастополя. Играло 200 трубъ и барабановъ до глубокой почи—каково!

Еще въ половинѣ мая, въ одной изъ уличекъ близъ редута жили женщины, и случалось, что тутъ и тамъ проносили торговку съ оторванною ногою.

Приходилось просто силой удалять женщинъ съ дѣтьми, потому что часто случались бѣды съ малышами; такъ бомба упала въ окно подвала и убила у матери сразу всѣхъ тропхъ дѣтей — то были матроски, носившія мужьямъ обѣдъ на бастіоны.

Былъ еще родъ безстрашныхъ женщинъ, оставшихся для развеселой жизни—и ихъ, конечно, не щадили снаряды.

Къ концу іюля севастопольскія улицы опустѣли; ни одной лавки, ни одного ресторана,—все перебралось на сѣверную сторону. Къ жарѣ отъ непріятельскаго огня присоединилась жара отъ солнца, такая сильная, что орудія накаливались и не остывали до полуночи.

Всѣ госпитали къ этому времени тоже перешли на сѣверную сторону. Едва ли не дольше всѣхъ держался лазаретъ въ зданіи дворянскаго собранія, гдѣ паркетъ былъ покрытъ корой засохшей крови. Въ танцовальной залѣ лежали сотни ампутированныхъ, на хорахъ хранились корпія и бинты, и вмѣсто бальной музыки раздавались въ огромномъ нарядномъ помѣщеніи стоны раненыхъ.

Кстати, скажу нѣсколько словъ о раненыхъ и госпиталяхъ. Послѣ Альмы было что-то невообразимое по этой части—ничего не оказалось приготовленнаго: раненые очутились на полу или въ грязи, безъ перевязки, безъ куска хлѣба, того и другого ждали днями, даже недѣлями!

Сестеръ милосердія еще не было, только нѣкая Дарья, молодая, недурная собою дѣвушка,—какъ Пироговъ говорилъ, кажется, изъ легкихъ,—помогала раненымъ. Государь приказалъ великимъ князьямъ поцѣловать ее и дать ей 500 руб. да, кромѣ того, назначилъ 1.000 руб. приданаго, когда она выйдетъ замужъ.

То же было и послѣ Инкерманскаго сраженія: раненыхъ, какъ собакъ, побросали на землю. 12 ноября, т.-е. 18 дней послѣ дѣла, Пироговъ по своемъ пріѣздѣ нашелъ еще 2000 скученныхъ вмѣстѣ на грязныхъ матрацахъ, покрытыхъ кровью и гноемъ, некормленныхъ, едва перевязанныхъ, и дѣлалъ операціи, которыя должны были бы быть сдѣланы 15-го, т.-е. на другой день битвы.

Въ Севастополѣ, Бахчисараѣ, кажется, и въ Симферополѣ больные содержались

въ величайшемъ безпорядкѣ: валялись на нарахъ, одинъ возлѣ другого, безъ промежутковъ, съ гноившимися, вонючими ранами возлѣ чистыхъ, часто подолгу неперевязанные и ужъ кѣмъ и какъ кормленные и поенные—одинъ Богъ знаетъ. Обыкновенно стонъ стоялъ въ палатахъ отъ жалобъ и просьбъ дать поѣсть и попить, но никто не откликался, — это мнѣ разсказывали сами доктора изъ молодыхъ.

Всѣ госпитали были переполнены и въ домахъ и въ палаткахъ. Палатокъ было мало, лошадей и фуръ для перевозки больныхъ—тоже. Вездѣ во всемъ воровство, безпорядокъ... За недостаткомъ мѣста въ Крыму стали перевозить въ Екатеринославль, за 500 верстъ, на одноконныхъ телѣгахъ, тряскихъ, безъ соломы.

Въ соломѣ, напр., былъ такой недостатокъ, что совершенно мокрые отъ всего... матрацы распарывались, солома высушивалась и снова шла въ дѣло.

Съ пріѣздомъ сестеръ милосердія госпитали нѣсколько поправились; говорю нѣсколько, потому что большіе колпаки, медицинскія заправила, остались тѣ же.

По крайней мѣрѣ, всѣ частности въ лазаретахъ сестры взяли въ свои руки: перевязки стали дѣлаться правильно, пища улучшилась: сестры стали смотрѣть за чистотой комнатъ и больныхъ, за прислугой, смотрителями, даже за врачами. Сами раздавали пожертвованные вино, чай, кофе, табакъ и проч., что прежде и не попадало больнымъ; хранили деньги, въ случаѣ смерти заботились о похоронахъ, писали и исполняли завѣщанія... Нужно сдѣлать разрѣзъ въ ранѣ—больной не дается, умоляетъ не дѣлать и дать ему только умереть спокойно—по слову сестры, говорящей, что это, дѣйствительно, необходимо, что безъ этого нельзя,—соглашается.

Разсказывалъ докторъ, что разъ при немъ въ операціонномъ залѣ дошла очередь до молодого офицера, раненаго въ пятку. Приходилось вырѣзать много наросшаго дикаго мяса да прихватить и не дикаго.

— Мамаша, сядьте около меня,—сказалъ раненый сестрѣ милосердія. Она сѣла, и онъ обнялъ ее. Началась операція, которую офицеръ наблюдалъ, стиснувши зубы; самъ онъ молчалъ, но толстая сестра милосердія вопила. Казалось, какъ же это такъ? Неужели раненый уполномочилъ её кричалъ вмѣсто себя?

Оказалось, что отъ боли онъ судорожно впился въ ея жирный бокъ, и она кричала совершенно искренно, за свой собственный счетъ.

Пироговъ оказалъ огромную услугу не тѣмъ только, что спасъ большую часть раненыхъ, но и тѣмъ, что не далъ развиться въ болѣе широкихъ размѣрахъ заразнымъ болѣзнямъ.

Одинъ раненый матросъ, которому этотъ хирургъ отрѣзалъ ногу, молчалъ во время операціи и по окончаніи велѣлъ подать себѣ изъ шинели платокъ — тамъ было 2 рубля. Одинъ онъ отдалъ доктору: «Хорошо отрѣзали ногу, ваше благородіе, дай Богъ вамъ здоровья!»

Самъ Пироговъ разсказывалъ, что приходитъ на перевязочный пунктъ поморскій казакъ съ контузіей. Ему назначили лѣкарство и сказали, что необходимо остаться на нѣсколько дней въ госпиталѣ или дома.—Нѣтъ, дайте что-нибудь, чтобы уйти на батарею: эту ночь будетъ вылазка, неужели мнѣ быть въ госпиталѣ? Прописали кое-что, что можно дать на руки, но велѣли подождать, пока принесутъ изъ аптеки. «Ну такъ завтра зайду» и ушелъ на бастіонъ.

Вообще, Пироговъ столько же хорошо говорилъ о солдатахъ и матросахъ, сколько приходилъ въ отчаяніе отъ штаба и воротилъ дѣла. Особенно бѣсили его угодливость и низкопоклонство старшихъ докторовъ, все находившихъ и начальству представлявшихъ въ полномъ порядкѣ и лучшемъ видѣ.

— Вотъ, между прочимъ, что онъ разсказывалъ.

«По моимъ жалобамъ пріѣзжаетъ, на-

конецъ, Горчаковъ и распекаетъ генералъ-штабъ-доктора.

— Сколько больныхъ въ Симферополѣ?— гнѣвно спрашиваетъ князь.

— Теперь уменьшилось, ваше сіятельство, было 800, а въ настоящее время 400.

— Какъ 400—въ сутки?

— Нѣтъ, ваше сіятельство, въ недѣлю.

— Однако, это много!

— Виноватъ, ваше сіятельство, — въ мѣсяцъ.

— А! ну это хорошо... «Вотъ какъ пишется исторія!».

* * *

Въ домѣ у меня дѣло обстояло не лучше, чѣмъ въ осажденномъ Севастополѣ— болѣзнь дѣвочки, какъ и осада города, шла подъ гору! А тутъ еще случилась маленькая траги-комическая исторія: прислуга наша, какъ помнишь, въ первый разъ поразившая меня своею таліею—разразилась ребенкомъ. Бѣды бы въ этомъ большой не было, если бы не приходилось отъ того многое дѣлать самимъ.

Эта кухарчонка была типомъ наивнѣйшей хохлушки, пресерьезно спрашивавшей, напр., меня: правда ли, что всѣ военные обманщики?—Смотря потому въ чемъ, отвѣтилъ я — въ любовныхъ дѣлахъ имъ дѣйствительно не слѣдуетъ много вѣрить.

— Ну, а матросы такіе же?—Матросы, пожалуй еще хуже, по этой части... Что же ты думаешь, именно матросъ, сосѣдскій денщикъ — тотъ самый, что указалъ мнѣ дверь,—былъ виновникомъ всей бѣды; не даромъ онъ такъ хорошо зналъ, дома ли хозяева.

Вся простота его жертвы сказалась въ ея отвѣтѣ мнѣ, когда вскорѣ по пріѣздѣ на квартиру я спросилъ: служитъ ли гдѣ твой баринъ?—Не знаю,—служитъ ли она газету каждый день читаетъ.

Въ это время хозяйка моя, кажется, въ аптекѣ познакомилась съ одной барыней, которая понасказала, что она дочь доктора и сама занималась медициной и спасла свою дочь отъ такой же точно головной болѣзни...

Той же да не той — оказалось послѣ, что ребенокъ ея ушибся, у него сдѣлалось воспаленіе въ мозгу, и мать дѣйствительно выходила его, хотя онъ росъ теперь глухонѣмымъ.

Утопающій хватается, ты знаешь, за соломинку. Пришла къ намъ эта барыня, переговорила съ больной дѣткой—та умненькая отвѣтила все разумно, улыбнулась, пошутила, и самодѣльный докторъ объявилъ, что у ребенка ничего нѣтъ, онъ, навѣрное, будетъ здоровъ. «Только слушайтесь меня и возьмите доктора, котораго рекомендую».

Перебудоражила моихъ хозяевъ, повеселѣли они, а отецъ даже было расплакался. Мать то, болѣе сдержанная, говоритъ: лучше пусть умретъ, чѣмъ останется глухонѣмою, но отецъ словно вздурѣлъ отъ радости: хоть глухую, нѣмую и слѣпую, только бы сохранить въ живыхъ!

Ну такъ вотъ: призвали другого доктора—нашелъ, конечно, и онъ, что нѣтъ надежды, но не отказался и посовѣтовалъ

новое средство: ванны. Послѣ первой же стала моя больная кричать наокрикъ и всю ночь потомъ стонала такъ, что даже я не сомкнулъ глазъ.

Потомъ начала впадать въ безсознательное состояніе: откроетъ глазенки—мутные такіе—поведетъ ими кругомъ, на всѣхъ останавливаетъ, но, должно быть, никого не видитъ и не узнаетъ. Потомъ опять наступятъ минуты сознанія.—Видишь ты меня, дѣвочка? спроситъ мать.—Вижу. — Хорошо видишь?—Нѣтъ, мутно!—А узнаешь, что я твоя мама?—Узнаю.

Случилось, что послѣ ванночки больная, передъ тѣмъ какъ забыться, выговорила: «съ масомъ», на что никто не обратилъ вниманія и что означало: «хлѣба съ масломъ»,—значитъ была голодна. Я сидѣлъ ночью у кроватки и вижу дѣвочка сначала стала подносить пальцы ко рту, а потомъ и грызть, рвать ихъ. Останавливаю, отвожу руки—не помогаетъ: грызетъ и грызетъ. Наконецъ, мать вспомнила слова «съ масомъ» и догадалась, что это голодъ.

Сколько нужно деликатности для ухода за умирающимъ; сколько любви, терпѣнія и вниманія, чтобы понять творящееся въ покидающемъ жизнь сознаніи и не довести его до отчаянія отъ черствости близкихъ—отчаянія тѣмъ болѣе ужаснаго, что нѣтъ силъ его выразить!

* * *

Ну, такъ вотъ: скоро конецъ севастопольскимъ бѣдамъ. Въ августѣ стало прямо невыносимо.

Бастіоны продолжали геройски бороться, вѣрнѣе періодически вымирать. Второй, напр., совершенно разбиваемый, къ концу каждаго дня представлялъ уже сплошную груду развалинъ, которыя за ночь съ грѣхомъ пополамъ возстановлялись—при какихъ потеряхъ, нечего и говорить, потому что непріятель, пристрѣлявшись, губилъ нашъ народъ и по ночамъ.

Малаховъ-курганъ представлялъ изъ себя колоссальный лабиринтъ изъ горъ щебня, туровъ и фашинника. Все летѣло въ прахъ! Гарнизонъ терялъ по 1000 человѣкъ въ день! Исправныхъ амбразуръ не было, ихъ подъ убійственнымъ огнемъ разгребали, чтобы въ случаѣ штурма быть въ состояніи бить непріятеля картечью. Головы сапныхъ работъ съ каждымъ днемъ приближались. Отъ II бастіона онѣ были на 20 саженъ, отъ Малахова—на 15—12.

Траншеи непріятельскія росли, смыкались. Устраивалось все больше и больше траншейныхъ мортирныхъ батарей, сыпавшихъ градъ разрывныхъ снарядовъ.

— Дѣлались всяческія фальшивыя тревоги: пріостанавливали огонь, кричали «en avant,» заставляя ждать штурма, а когда команда прибѣгала изъ прикрытій, снова начинали стрѣлять съ батарей и изъ траншей.

Весь Севастополь смотрѣлъ могилой — при взглядѣ на его улицы невольно приходило на умъ описаніе городовъ, опустошенныхъ землетрясеніемъ.

Трудно и представить себѣ все, вынесенное защитниками этого города до самаго послѣдняго дня, человѣкъ возвысился

тутъ до невѣроятной рѣшимости, до крайней энергіи, до самозабвенія.

Только въ одинъ день, 24-го августа, было выброшено въ городъ 70.000 ядеръ и 16.000 бомбъ и гранатъ. Убитыхъ уже не успѣвали прибирать, ихъ оставляли тамъ, гдѣ застала смерть, едва уносили раненыхъ. Артиллерійская прислуга гибла въ такомъ множествѣ, что къ орудіямъ ставили ополченцевъ.

Общая потеря стала доходить до 2.500 — 3.000 человѣкъ въ день.

Ночью, 26—27, осколокъ бомбы влетѣлъ въ окно II бастіона, разбилъ икону, поломалъ кіотъ, разбросалъ свѣчи. «Не къ добру!» былъ общій голосъ, «шабашъ, всему дѣлу порѣшеніе!»

Ждали штурма на 26 августа, день бородинской битвы, ждали потомъ каждый день, держалось какъ будто предчувствіе чего-то... ожидать помощи извнѣ было пельзя—всѣ попытки освободить городъ кончились плачевно, на это не было ни силъ, ни необходимаго умѣнья, согласія,

порядка. Черная рѣчка тому живой и памятный примѣръ.

Вдобавокъ ко всему, на Малаховомъ курганѣ были молодыя необстрѣленныя войска. Васильчиковъ напрасно просилъ Коцебу перемѣнить ихъ—этотъ маленькій человѣкъ былъ глухъ ко всѣмъ представленіямъ, не выходившимъ изъ его собственной головы.

Впрочемъ, чтобы быть справедливымъ, надобно сказать, что, въ концѣ концовъ, взяли Малаховъ курганъ не по этой причинѣ и не потому, что люди обѣдали въ то время, какъ начался штурмъ — и это ставили въ укоръ—а потому, что противъ полуторы тысячи усталыхъ изнуренныхъ солдатъ пошло болѣе 10.000 отборнаго французскаго войска. Когда же прибыли подкрѣпленія, мы не могли отбить редута по причинѣ замкнутой горжи. Къ тому же, недоставало артиллерійскихъ снарядовъ, да ужъ, сказать всю правду, недоставало и «человѣка»...

Съ другой стороны, нельзя было людямъ

не спать и не обѣдать! Если бы строгіе судьи, недовольные тѣмъ, что Севастополь держался только 11 мѣсяцевъ, заглянули хоть не надолго въ тотъ смертельный огонь, въ которомъ малаховцы постоянно жили, то, навѣрное, стали бы снисходительны...

Знаешь ли ты, гдѣ я встрѣтился съ «эпилогомъ» защиты Малахова кургана?— навѣрное, не отгадаешь!—Въ средней Азіи, на Сыръ-Дарьѣ. Я былъ не надолго командированъ въ фортъ № I, Казалинскъ, по поводу сборки новаго парохода, построеннаго въ Або, для Дарьи, и встрѣтилъ въ комендантѣ форта—маіора Юни! того самаго Юни, который, будучи совсѣмъ молодымъ офицеромъ, засѣлъ съ нѣсколькими смѣльчаками въ башнѣ кургана и не сдавался до самаго вечера.

Онъ разсказалъ мнѣ, между прочимъ, что, только потерявши надежду на выручку, они рѣшились принять авансы французовъ, предлагавшихъ имъ «сдачу съ онерами». Смѣшно,—говоритъ,—было видѣть физіономіи нашихъ побѣдителей, ожидавшихъ выхода изъ башни болѣе или менѣе значительнаго гарнизона и увидѣвшихъ,— что насъ всего нѣсколько человѣкъ!

Изъ плѣна ужъ, издали, смотрѣли они на взрывы севастопольскихъ укрѣпленій и пороховыхъ погребовъ и хотя знали, что взятъ только одинъ ихъ Малаховъ курганъ, а остальные отбились — при чемъ англичанамъ опять не повезло на 3-мъ бастіонѣ — но поняли, что наши оставляютъ городъ! На темныхъ облакахъ черной ночи, зарева пожаровъ и этихъ взрывовъ производили,—говорилъ онъ,—впечатлѣніе какой-то геены огненной. «Французы ликовали при взрывахъ, а мы крестились»...

Крестились и всѣ войска гарнизона, въ молчаніи переходившія по мосту на сѣверную—головы всѣхъ невольно поворачивались къ оставшемуся позади пожарищу—послѣдній разъ глядѣли на насиженныя, почти родныя мѣста, поминали павшихъ, загадывали на будущее, многіе плакали...

* * *

Ну, что тебѣ еще разсказать о «моей повѣсти»—кончаемъ и съ нею!

Попробовалъ докторъ, конечно только для родителей, привести умиравшую въ сознаніе піявками, да вмѣсто десятка поставилъ цѣлыя двадцать штукъ.

Какъ впились онѣ въ бѣднаго ребенка, такъ откуда у него силы взялись: вскрикнулъ, вскочилъ, т.-е. приподнялся на постели, открылъ глазенки, которые передъ тѣмъ держались постоянно закрытыми, обвелъ ими кругомъ себя и остановилъ на матери—должно быть, въ послѣдній разъ призналъ дорогой ему образъ—и безсильно опустился опять на подушку.

— «Была соломинка надежды,—сказалъ докторъ,—теперь и она сломалась. Организмъ ея крѣпкій, долго еще будетъ бороться со смертью, но она будетъ въ безсознательномъ состояніи.»

Вотъ тутъ я не согласенъ съ докторами,—скажутъ: «коматозъ», и дѣло съ концомъ, значитъ больной ничего не видитъ, не слышитъ, не чувствуетъ. Я же думаю, что и

въ коматозномъ состояніи часто являются минуты сознанія, во время которыхъ умирающіе все видятъ, слышатъ и чувствуютъ, только не могутъ уже высказаться.

Помню, мы разговаривали о чемъ-то въ сторонѣ немного громче обыкновеннаго—какъ больная, обыкновенно уже молчавшая, издала два стона, такихъ выразительныхъ, что въ нихъ прямо слышался упрекъ за громкій разговоръ. А одинъ разъ, я самъ это видѣлъ, когда мать подошла, повидимому, къ совсѣмъ уже безчувственному тѣлу и, взявши въ свои ладони исхудавшую ручонку, сказала: «я здѣсь, дѣточка, это я, твоя мама, здѣсь съ тобой»,—опущенная рѣсничка одного изъ глазъ задрожала, чуть-чуть приподнялась, и изъ подъ нея выкатилась на щеку слеза! Вотъ и толкуй о томъ, что умирающіе ничего не понимаютъ и не чувствуютъ...

Умерла дѣвочка. Я еще нѣсколько мѣсяцевъ жилъ въ этой квартирѣ. Потомъ, когда перевели меня въ Николаевъ, про-

должалъ дружески переписываться съ неутѣшно горевавшею матерью.

Одинъ разъ смотрю, письмо не отъ нея, а отъ мужа, съ черной печатью: острое воспаленіе почекъ и главное, конечно, безпрестанная непоправимая тоска, въ какую-нибудь недѣлю, скрутили бѣдную женщину. «Для васъ,—писалъ мужъ,—оставила покойница конвертъ, сама запечатала передъ смертью, сама написала, изъ послѣднихъ силъ, адресъ и слово «заказнымъ»—высылаю со слѣдующею почтою».

Ну такъ вотъ; что жъ ты думаешь, — воскликнулъ Михалковъ и даже вскочилъ со стула, — вѣдь дѣвочка-то была моя племяночка!—???—Суди самъ: вскрываю конвертъ—портретъ моего покойнаго брата съ надписью: «*Милой Машѣ, первой и послѣдней любви моей*».

Пріятель мой безсильно опустился на стулъ и закрылъ лицо руками. Я попробовалъ сказать нѣсколько словъ утѣшенья, но услышалъ въ отвѣтъ только безсвязныя:

«спасибо... оставь, дорогой мой... до другого раза»...

Когда уходя я обернулся на порогѣ комнаты, Михалковъ сидѣлъ передъ столомъ, уткнувшись лицомъ въ ладони рукъ, и вся грузная фигура его передергивалась отъ рыданій—по братѣ ли, по «племяночкѣ» ли, или по *ней*, а можетъ быть по всѣмъ вмѣстѣ, навсегда его покинувшимъ!